

Забавно, как радикально одна цифра может изменить целое. Разница между сотней золотых крупинок и сотней десятков может быть тем, что отделяет хорошую сделку от отличной. Важность числа возрастает экспоненциально в зависимости от обсуждаемой темы. Две тысячи погибших солдат против трех тысяч; оба числа, хотя и ужасают, но как-то меркнут перед таким событием, как потеря одного ребенка или двух.

Думаю, та ночь стала источником моей навязчивой идеи. Видите ли, в наши дни я все считаю. Например, на стене этой камеры тридцать два железных прута, тридцать шесть, если считать перекладины. В этой камере сто двадцать пять плиток, тридцать четыре из них обрезаны, чтобы вписаться в границы камеры ровно, восемь из них — с отделкой. Это просто то, что часть моего сознания делает естественным образом.

Той ночью я понял, что не могу позволить себе быть неточным. Разница между четырнадцатью людьми и пятнадцатью может иметь значение для всего мира.

— Ты изменился, — повторила Тота, ее змеиный глаз слабо светился во тьме.

Я стиснул зубы. Несмотря на все, что я сделал, на все расчеты, мы снова оказались здесь, снова столкнулись лицом к лицу. Страх волнами разливался по моей шее, колючками покрывая кожу. От нее исходила густая черная аура.

Дальше по полю показалась стройная фигура Тамары, лук был натянут и нацелен в спину Тоты. Я мельком покачал головой, надеясь, что эльфийское чутье — не просто сказка. Почему-то даже сейчас я знал, насколько легко Тота может расправиться с нами. Тамара держала тетиву натянутой у щеки, но не стреляла.

Тота шагнула вперед, в свет костра, а я отступил назад, поддерживая прежнее расстояние. Меч в моей руке вдруг стал казаться бесполезным, словно детская игрушка. Выражение ее лица было странно встревоженным.

— Я никогда не видела тебя таким, не так рано. — Она размышляла, пока говорила, почти пережевывая слова. — Ты всегда меняешься. Но не так. — Ее холодный взгляд исследовал меня, и без слов можно было понять, что от меня требуют объяснений.

Из всех людей на ум пришли слова Таддеуса. Маленький совет, данные много лет назад.

«Отрицай, отрицай, отрицай».

— И кто же ты такая? — спросил я, позволяя маске высокомерного благородства опуститься на место. Тота моргнула, а затем захохотала. Это был резкий и едкий звук.

— Это все еще застаёт меня врасплох, даже после стольких лет. Маленькие сценки, разыгрываемые тобой в своей голове. Нет. Ты меня знаешь.

«Отрицай, отрицай, отрицай».

— Я знаю, что ты напала на мой караван, вынудила сбежать в Эвервуд. И что у тебя какие-то отношения с маленькой пыточной сектой герцога. В остальном я немного запутался. — Я ухмыльнулся ей, хотя это выражение показалось мне банальным и вынужденным. — Возможно, если бы вы просто сказали мне, что вам нужно, я бы смог помочь.

— Мне не нужна помощь от таких, как ты! — вспыхнул гнев Тоты. Это был ужасающий выплеск эмоций, который, казалось, затемнил саму ночь.

Я сделал полшага назад. Это был первый раз, когда я видел ее по-настоящему разъяренной. Даже когда она убила герцога, это никогда не ощущалось так явно. Вместо этого она кипела под поверхностью, выжидая момента, когда сможет, наконец, выплеснуться и обратиться в смертоносное насилие. Но сейчас она носила это насилие как одежду.

— Хорошо, — сказал я, сменив тактику. Болтливость могла только навредить в этом случае. Вместо этого появилось то же благоговейное почтение, которое присутствовало при обращении к теневой пантере. Ее гнев немного утих и сменился замешательством.

— Ты становишься занозой в боку, Кэрн. — Гнев Тоты в основном рассеялся, угас так же быстро, как и появился. Она ходила туда-сюда вокруг меня по полукругу. Это слишком напоминало ту первую встречу в павильоне. Я старался не думать об этом. О том, как она убила отца. О пузырящейся коже Аннет. Мои пальцы ломаются, когда я бью кулаками по льду фонтана. Нож в моей груди.

Тамара уловила мой сигнал остановиться и не приближалась. Но где были остальные? Я слегка повернул голову, пытаюсь разглядеть их расположение.

— Не смотри на них. Смотри на меня, — приказала Тота. Я повиновался, молча глядя на нее. Она замерла на середине шага, обеспокоенная моей реакцией, затем вернулась к движению, нахмутив губы.

— Никаких остроумных реплик? Никаких шуток? Никаких гневных заявлений или бессмысленных тирад? Это все неправильно. Нет. Ты другой. Ты что-то знаешь.

Я молчал. Казалось, я не мог ничего добавить к этому разговору, кроме как потенциально разозлить ее. Лучшим вариантом действий было продолжать изображать неведение.

Внезапно Тота схватила меня за шею и приставила кинжал к моему горлу. Сталь слегка кольнула. В уголке зрения я увидел, как Тамара зашевелилась и сделала шаг вперед. И снова я

едва заметно покачал головой. Глаза Тоты изучали меня, ее лицо было в опасной близости. От нее пахло смертью и белыми розами.

Я не моргал, не дышал. Выдерживал ее взгляд, позволяя ярости и негодованию просочиться сквозь меня. Давай. Перережь мне горло. Есть шанс вернуться. Но в конце концов ты умрешь, Тота. И никто не будет оплакивать тебя.

— О... — В голосе Тота зазвучало жуткое вожделение. — О, это будет хорошо. — Она оттолкнула меня с дикой силой. — Я даже не знаю, кто ты теперь, принц. — Я упал назад, больно ударившись. Она подскочила ко мне и направила свой кинжал к моему лицу, острие опасно приблизилось к моему глазу. — Если честно, когда ты убил Бариона, это меня очень расстроило. Он был моим. На этот раз у меня были планы на него. Решила дать ему поиграть с тобой несколько месяцев, а потом убить трех зайцев одним выстрелом. Потом ты убил Таска. И это было еще более разочаровывающе. На ранних этапах все идет гораздо легче, если рядом со мной есть кто-то хитрый и общительный, но то, как ты его убил. — Тота провела острием своего кинжала по моей щеке. Металл слегка заскрежетал, слегка впиваясь в кожу. — Это говорило со мной. На духовном уровне.

Я застыл на месте, стараясь не выдать удивление. Тота наблюдала. Наблюдала. И не только в Холисе. Та первоначальная засада внезапно промелькнула в моем сознании. Это не было совпадением. Она специально остановила мой караван в этом месте.

— Ты заманила меня в лес, — тихо сказал я, вспоминая странную эфирную руку, которая позвала меня, когда я решал, в каком направлении бежать.

— Виновата, — лукаво ответила Тота, — Неужели ты подумал, что это был какой-то дружественный бог, вмешавшийся, чтобы подсказать тебе дорогу?

Я ничего не ответил, и она снова рассмеялась своим жестоким смехом. — Боги мертвы. Я — твой бог, Кэрн. Я. Не было сомнений, что ты убежишь. Трусость — твоя самая надежная черта, мой милый. Но все после... было в новинку. Так восхитительно и чудесно ново.

— Что теперь будет? — спросил я, ошеломленный и оцепеневший.

Она отошла от меня, тень накрыла ее лицо, и в тени был виден только желтый, похожий на змеинный глаз. — Назовём это любопытством, но я склоняюсь к тому, чтобы позволить всему развиваться своим чередом. Позволю тебе делать все, что ты задумал. В конце концов, я все равно приду за тобой, подозреваю, что ты знаешь, когда.

Коронация. Я сохранял спокойное выражение лица.

— Сражаться с тобой на пике твоей силы будет гораздо приятнее, — прозвучал ее голос, почти маниакальный, — размолоть твою душу каблуком. Однако это создает проблему.

— Какую?

— Милосердие негативно скажется на моей репутации. Так что пришло время сделать выбор. Первый вариант. — Она подняла когтистый палец. — Я убиваю тебя здесь, и погружаюсь в хаос, пока Ускар разрывает себя на части. Всегда приятно. Или вариант номер два. — Она протянула второй палец. — Я оставляю тебя в живых, и в качестве платы, в конце концов, кое-что отниму. Ты пожалеешь, что не умер.

В этих словах прозвучало мрачное предвкушение.

— Это не обязательно должно быть так. — Я попытался, отчаяние просачивалось в моем голосе: — Я не хочу сражаться с тобой.

Тота наклонила голову. Хотя я не мог ее видеть, но практически ощущал ее разочарование. — А вот и принц-молокосос показывает свое истинное лицо. Всегда такой разумный, так быстро склоняется. Ты захочешь подавить эту слабость, Кэрн. Мы будем сражаться, как всегда, сражались. И ты умрешь, как умирал всегда. Разбитый и одинокий. Постарайся на этот раз показать себя с лучшей стороны.

О чем, черт возьми, она говорила? Я встал, внезапно осознав, что в моей руке меч. Я пришел к тому же выводу, что и в ночь вторжения.

Тота была безумна.

Но это было опасное безумие с манией величия. Она была бы готова встретиться со мной в ночь коронации. И что еще хуже, элемент неожиданности, возможно, самое сильное мое преимущество, было практически сведено к нулю.

— Что еще важнее. — Взгляд Тоты скользнул мимо меня и остановился на моем плече. Ее ужасная, острая улыбка вернулась с прежней силой. — Ты пропустил одного.

Я повернулся. Сефур разговаривал с Майей на склоне холма рядом с полем боя, освещенные светом факелов, которые они держали в руках. Они были настолько сосредоточены на разговоре, что Сефур не заметил единственного оставшегося бандита, прятавшегося за деревом, его меч отражал свет факелов.

— Сзади! — закричал я. Но слова замерли у меня в горле, странное жжение поселилось в голосовых связках. Я оглянулся назад. Рука Тоты в перчатке светилась приглушенным желтым светом. — Сделай свой выбор, маленький принц, — холодно сказала она. Ее золотой глаз навис над мной.

Каким-то образом мне хватило ума на полсекунды взглянуть на Тамару и указать на бандита, надеясь, что она уловила мою панику.

Затем я побежал, размахивая руками, казалось, что сам воздух борется со мной. Раздался звук лука, над моей головой пролетела стрела в сторону мужчины. Во мне поднялось временное восхищение, но тут же рухнуло вниз, когда злобный порыв ветра переломил стрелу пополам. Вы, должно быть, шутите. Тота была магом воздуха, вдобавок ко всему прочему — звука, был ли это вообще такой элемент, возможно, еще и демонического огня. Магия ограничивала мою жизнь. Я снова попытался закричать, но то же самое жужжание заглушило мои слова, единственным звуком, вырывавшимся из моего рта, было дыхание.

Страх накрыл меня с новой силой, осознание того, к чему я пришел после последней перезагрузки, исчезло. Мы выиграли эту битву. Никого не осталось, чтобы убить меня и перезагрузить все, если я буду слишком медлить.

«Если только ты не убьешь себя».

Мысль была настолько неожиданной и навязчивой, что я чуть не потерял устойчивость. Нет. У меня не было никакой гарантии, что самоубийство сработает. Даже от одной мысли об этом по спине побежали бледные бисеринки пота.

Еще одна стрела пролетела над моей головой. Эта остановилась, закрутилась в воздухе и упала к моим ногам. Я крутанулся на месте, споткнулся, испачкал руки в крови, оттолкнулся от земли и вскочил, пытаясь как можно быстрее восстановить темп.

Давай, черт возьми.

Мои ноги были такими чертовски маленькими и медленными. Бандит плавно обошел дерево, его меч был высоко поднят, угрожая в любой момент обрушиться на Майю и Сефура. Мое сердце упало. До них было еще двадцать-тридцать ярдов. Я никак не мог успеть. Вдруг надо мной возникло световое пятно, и в воздух взвилась огненная стрела. На этот раз она не была нацелена на бандита, а, скорее, взвилась в воздух как можно выше.

Сигнал.

Голова Сефура дернулась вверх, в сторону маяка. Бандит остановился из-за света и внезапного движения.

В этот момент я мог бы поцеловать Тамару. Она сможет выбрать из королевской сокровищницы всё, что пожелает. Дворянство или что-то иное.

Но чувство облегчения длилось лишь мгновение. Сефур повернулся не в ту сторону, куда следовало, и бандит — теперь уже убийца, поднял меч, готовясь поразить Майю.

Слишком далеко. Так близко, но все же слишком далеко. Даже если бы я использовал свой демонический огонь, это ничего не изменит.

Или все же изменит?

За эти несколько драгоценных секунд я вспомнил все, что видел во время вторжения. Инферналы не касались своих целей. Иногда от них исходили потоки огня, но в основном огонь посылался с точностью, почти как хлыст.

Конечно, это означало, что я нарушу обещание, данное Майе.

Но выбора нет. Я вызвал свою искру и поджег траву. Я приготовился к боли, к абсолютной агонии, а затем потянул. Ощущение разрывающей боли пронзило грудь, как будто сдирали кожу. Я закричал, но голос оставался беззвучным.

Каким-то образом я удерживал пламя внутри себя, даже когда оно жадно пожирало меня. Сефур наконец заметил человека и выхватил меч, готовясь прыгнуть вперед, но он был слишком медлителен. Меч бандита опустился. Майя попятилась назад и упала. Я вытянул руку вперед и представил туннель, почти цилиндр, соединяющий мои пальцы с головой мужчины.

На черепе мужчины вспыхнул огонь. Он открыл рот, чтобы закричать, но огонь был слишком сильным. Его голова, казалось, сдвинулась и потеряла форму, самопроизвольно превратившись в пепел.

Темнота сомкнулась вокруг меня, мое зрение стало туннельным. Но это не имело значения. Я успел вовремя. Майя в ужасе смотрела то на мужчину, то на меня.

— Кэрн, нет!

Из моего носа и рта хлынул поток жидкости с неприятным вкусом. Она была густой и имела привкус железа. Я поднес дрожащую руку к своему влажному лицу и посмотрел на нее, мое зрение двоилось. Кровь. Моя кровь, смешанная с чем-то темным и синим.

Нехорошо.

Я оглянулся назад. Никого не было, кроме Тамары, бегущей трусцой в нашу сторону. Тоты не было.

Я улыбнулся Майе. Она была в безопасности. Они все были в безопасности.

— Прости... Я солгал...

Стоять на ногах вдруг стало слишком тяжело. Я упал на колени и закашлялся. Зрение покинуло меня, и я рухнул на землю.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2410175>